

Литература

1. Баранова, Е. А. Этапы развития процесса медиаконвергенции (в попытках описать глобальные изменения в развитии СМИ с 1990–2015 гг.) / Е. А. Баранова // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. № 2. – С. 170–193.
2. Баранова, Е. Язык наш – не друг наш / Е. Баранова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kp.ru/daily/26595.5/3611160/>. – Дата доступа : 10.06.2017.
3. Ильченко, С. Ноль ТВ / С. Ильченко // Журналист. – 2016. – № 1. – С. 66–68.
4. Интервью Е. А. Барановой с Арменом Гаспаряном, начальником управления Международного информационного агентства «Россия сегодня». – 2017. – Март.
5. Интервью Е. А. Барановой с Владимиром Таллером, президентом «2ТВМ Групп», академиком Российской Академии Радио (РАР). – 2016. – Октябрь.
6. Узнай главное о сайте КР.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.kp.ru/best/msk/upload/kp_mkit_092016.pdf. – Дата доступа : 01.06.2017.
7. Drudge, M. «Anyone with a Modem Can Report on the World» (speech to the National Press Club) / Matt Drudge // Washington, D.C. – June 2. – 1998.

Владимир Барбашов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Алтайский филиал) (Россия)

**ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ЯЗЫКОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ФРГ
НА ПОРОГЕ НОВОЙ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
КАК ПРОБЛЕМА ВИТАЛЬНОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
(на материале современной прессы)**

Современные глобальные изменения в социально-экономической, политической и культурной сферах поставили мировое сообщество перед фактом возникновения иной информационной цивилизации. В научном изучении публицистического текста фокус исследователей заметно сместился с коммуникативной функции на смыслообразующую, когда сам текст становится своеобразным генератором смыслов: исходно заложенный смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла. И в этой связи значительный научный интерес представляют собой аспекты вербализации коллективной интенциональности, изучение которых может способствовать

идентификации определенных проблем витальности. Витальность при этом рассматривается как способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств [6, с. 37]. На современном этапе новейшей истории ФРГ актуальной остается проблема вербализации исторической памяти нации, где центральное место на протяжении XX века и в начале XXI занимала тема преступлений нацистов в период Второй мировой войны (1939-1945). И здесь трудно не согласиться с А. И. Борозняком, который пишет: «Прошло более шести десятилетий с тех пор, как в немецкий политический и научный лексикон прочно вошла формула *Bewältigung der Vergangenheit* – словосочетание, не имеющее аналогов в иностранных языках. Русский – достаточно приблизительный – перевод гласит: преодоление прошлого. Термин как будто и привычный, но саднящий сознание и совесть граждан Федеративной Республики Германия. И хотя в этом словосочетании стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно прошлом идет речь, каждому немцу ясно: речь идет не об абстрактном далеком «прошлом», но о кровоточащем времени национал-социалистического господства: раны не заживают, а прошлое “не зарастает травой”» [4, с. 7]. Многие публикации в современной прессе ФРГ свидетельствуют о том, что немцам очень непросто преодолевать это прошлое, как и тяжело осознавать в какой-то степени свою вину за преступления в XX веке. В то же время встречаются тексты, в которых журналисты, ученые или общественные деятели предлагают несколько своеобразный взгляд на историческую память. Например, известно, что благодаря научным работам профессора Алейды Ассманн понятие «культурной памяти» стало ведущим в науке о культуре. В своей статье «Культура памяти» она, подчеркивая необходимость обновления памяти, предлагает свое восприятие исторического прошлого, пытаясь привлечь внимание читателя скорее на то, как память о войне «обновляется» в современной России при В. В. Путине: «В СМИ много писали о том, что президент Путин не принял участие в торжественных мероприятиях по случаю 70-летия со дня освобождения германского лагеря смерти Аушвиц (Освенцим) Красной Армией 27 января 1945 года. Главным «днем памяти» у Путина является дата окончания войны 9 мая, когда в Москве ежегодно проводится традиционный военный парад с демонстрацией вооружений и речами в честь последних ветеранов войны. День 27 января объявлен Стокгольмской конференцией еще в январе 2000 международным днем памяти о холокосте, а с 2005 г. официально объявлен ежегодным днем памяти в Европейском союзе и ООН. В глазах Путина

это некий западный «союз памяти», в котором России, государству-наследнику страны победителей, найти свое место не так-то просто» [1, с. 14–16]. Следует отметить, что данная статья опубликована в начале 2014 года, когда отношения между Россией и ФРГ стали стремительно переходить в фазу новой «холодной войны». На сегодняшний день в условиях кардинально изменившегося мирового порядка и осложнившейся международной обстановки, новой «холодной войны», начиная с 2014 года, тема исторической памяти немцев заметно расширяет спектр рефлексии представителей данной языковой общности, смещая фокус «цейсовского бинокля» общества с прошлого на осознание будущего и прогнозирование настоящего, причем не только Германии, но и ЕС в целом. Так, в своем обращении к читателям журнала «Deutschland» федеральный министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер подчеркивает: «Мы вспоминаем в этом году о двух мировых войнах, не сидя в удобных креслах, а находясь в условиях стремительно меняющегося мира. Большое счастье, что теперь войну в Европе (почти) невозможно себе представить. И все-таки перед нами целый ряд серьезных вызовов. Во-первых, это драматическая ситуация на Украине, где мы имеем дело, пожалуй, с тяжелейшим внешнеполитическим кризисом в Европе со времен «холодной войны». Во-вторых, у части европейского населения мы наблюдаем серьезную утрату доверия к европейскому проекту, причем именно у молодых людей, для которых Европа совсем не обязательно является синонимом лучших шансов на будущее и обещанием наступления лучших времен. Наша скорбная память – повод задуматься о прошлых ошибках, не повторять их и использовать все имеющиеся у нас в распоряжении инструменты для того, чтобы защитить мир и свободу» [7, с. 4–5]. Таким образом, глобальные изменения мирового порядка за последние два-три года обусловили природу определенных метаморфоз в исторической памяти немцев. С учетом вышесказанного считаем, что особую актуальность при рассмотрении проблемы витальности современного немецкого языка будет представлять дискурс-анализ формирования интенционального значения «историческая память» в публицистическом тексте как фрагменте медиадискурса. Как подчеркивает Т. ван Дейк, «вопреки распространенным убеждениям новости, опубликованные в прессе, обычно лучше запоминаются, чем телевизионные новости, и воспринимаются как более качественные, что может влиять на убеждающий характер, а значит, и власть этого типа дискурса» [5, с. 76]. При этом в фокусе нашего внимания находится понятие «коллективная интенциональность», определяемое нами как совокупность интенциональных состояний, направленных на предметы и

положения дел объективной действительности, являющихся характерными для членов определенной языковой общности и которые можно выразить исключительно языковыми средствами этой общности [2, с. 137]. В основу методологии данного исследования положен интенциональный подход, разработанный нами для анализа формирования интенционального значения в публицистическом тексте как фрагменте медиадискурса [3, с. 111]. На основе разработанного нами интенционального подхода изучаются аспекты вербализации интенциональных состояний и формирования интенционального значения в современных немецких публицистических текстах ФРГ на рубеже XX–XXI вв., представляющих собой фрагменты медиадискурса, который, в свою очередь, рассматривается нами как релевантная базовая составляющая глобального дискурса витальности европейского языкового союза.

Літэратура

1. Ассманн, А. Культура памяти / А. Ассманн // Deutschland. – 2015. – № 1. – С. 13. –17.
2. Барбашов, В. П. Интенциональное значение свастики как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах / В. П. Барбашов // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 131–137.
3. Барбашов, В. П. Формирование интенционального значения в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса (на материале современного немецкого языка) : монография / В. П. Барбашов. – Барнаул : Концепт, 2013. – 153 с.
4. Борозняк, А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. И. Борозняк. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 351 с.
5. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
6. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с.
7. Штайнмайер, Ф.-В. Преодолевая разделение / Ф.-В. Штайнмайер // Deutschland. Помнить и чтить память: спецвыпуск. – 2014. – С. 4–5.

Сяргей Берднік

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

СТРУКТУРАВАННЕ І ФОРМА ПАДАЧЫ ГАЗЕТНАГА МАТЭРЫЯЛУ

Кожны газетны артыкул складаецца, як правіла, з трох частак: заглаўка, ліда і тэкставага корпусу. Акрамя гэтых частак яшчэ можа прысутнічаць падзагалавак. Падзагалавак і лід уваходзяць у так званы заглаўкавы комплекс. Іх задача – абзначыць тэму журналісцкага матэрыялу.